

ISSN 1999-9976

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 (59)

2010

Голованева Татьяна Александровна
Tatyana Golovaneva

УСТОЙЧИВЫЕ СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ КОРЯКСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

STEADY MOTIVES OF PLOTS OF KORYAK HISTORICAL LEGENDS

Статья посвящена изучению сюжетного своеобразия корякских исторических преданий. Представлен сравнительный анализ устойчивых мотивов

This article deals with problems of plot originality of Koryak historical legends. The article gives a comparative analysis of steady motives

Ключевые слова: корякский фольклор, исторические предания, локальная традиция, устойчивые мотивы, сюжет

Key words: Koryak folklore, historical legends, local tradition, steady motives, plots

Корякский фольклор, как правило, ассоциируется с мифологическим эпосом и, в частности, с Вороньим циклом, за порогом внимания остается уникальный материал, а именно, корякская историческая проза. Между тем, еще в первой половине XX в. исторические предания были частью живой корякской повествовательной традиции, об этом свидетельствуют полевые записи И.С. Вдовина. Объективные условия существования повествовательной традиции таковы, что в первую очередь утрачиваются стилистически сложные тексты. Именно поэтому в настоящее время записать историческое предание практически невозможно, а вот сказки Вороньего цикла, для которых характерна референциально прозрачная система персонажей, сохраняются.

Материалом данного исследования послужили 10 опубликованных текстов корякских исторических преданий. Четыре текста из сборника корякского и аляutorского фольклора,

составленного С.Н. Стебницким: «Кьсим», «Эт'амты'у», «Wамыкаqль'ηtol'эп», «Wил'pi» [1; тт. 3, 5, 6, 7]. Эти тексты были записаны в Камчатских селах в 1933-1934 гг., опубликованы на корякском языке без перевода на русский. В 50-е гг. этнограф И.С. Вдовин в ходе экспедиций записал целый ряд текстов исторических преданий от аляutorца Ивтакрата. Ивтакрат оказался очень талантливым рассказчиком. Исторические предания, рассказанные им, имеют сложную сюжетную структуру, насыщены бытовыми деталями. В пределах одного сюжета взаимодействует до двадцати персонажей. Часть текстов, записанных И.С. Вдовиным, опубликована в исследовании А.Е. Кибрика [2; тт. 19, 20, 21, 22].

В 1970-е гг. лингвистическая экспедиция МГУ под руководством А.Е. Кибрика ведет свои исследования в с. Вывенка Олюторского района Камчатской области. В ходе работы экспедиции записано значительное число подлинных фольклорных текстов, в том числе два

исторических предания, рассказанных М.Н. Мулиткиной [2; т. 17, 18].

Опубликованные исторические предания в соответствии с их основополагающей сюжетной линией разделяются на три группы:

- 1) предания о межплеменных войнах [1, т. 5; 2, тт. 17, 18, 19, 21, 22];
- 2) предания о кровной мести [1, тт. 3, 6; 2, т. 20];
- 3) предания о войне с внешними врагами [1; т. 7].

Предания, записанные И.С. Вдовиным от алюторца Ивтакрата (пос. Култушино, около 1950 г.), насыщены локальными реалиями, бытовыми подробностями, в то время как тексты, записанные в 1933-1934 гг. и в 1972 г., достаточно абстрактны. В этих текстах нет ни бытовых подробностей, ни точной прорисовки персонажей. Н.А. Криничная, исследуя особенности русской народной исторической прозы, отмечает, что «только в процессе длительной эволюции локальные реалии приобретают определенного рода точность <...> Характер же исторических реалий произведения зависит в первую очередь от древности предания и связанной с этим сущности образа врага» [3; С. 154]. Еще один важный фактор, влияющий на поэтику текста: индивидуальные способности рассказчика. Появление талантливых рассказчиков обусловлено уровнем развития повествовательной традиции, но не каждый рассказчик соответствует этому уровню. Только этим можно объяснить тот факт, что тексты корякских исторических преданий 30-х и 70-х гг. беднее, чем предания, записанные от Ивтакрата в 1950 г. И.С. Вдовиным.

Достоверность образа в корякских исторических преданиях достигается при помощи локально-этнического и статусного идентификаторов: *ilirkin arəm* 'илирский старшина', при этом не обязательно указывается имя персонажа. Угол зрения на реальность, присущий историческим преданиям, допускает и даже поощряет эту референциальную ослабленность. В текстах подобного типа имя нельзя придумать, его нельзя дать герою произволь-

но. Возникает парадоксальная ситуация: референциально ослабленные дескрипции в исторических преданиях поддерживают эффект достоверности текста. В особенности это касается преданий о межплеменных войнах.

Межплеменные войны еще в XVII в. были типичным явлением на Камчатке. Однако после прихода русских аборигены Камчатки все свое военное искусство вынуждены использовать для обороны от русских завоевателей. Сведения о том, как сложно шло завоевание Камчатки, имеются в этнографической литературе: «Временами русским удавалось захватить селение или поселок и заставить коряков платить дань, но до 1712 г. коряки между Тауйском и рекой Пенжиной решительно отказывались признать русское владычество» [4; С. 211]. Русские завоеватели владели невиданным по мощи оружием. Этот факт был решающим для исхода сражений. Главное преимущество русских – владение огнестрельным оружием – очень прочно вошло в корякский язык. До настоящего времени в корякском языке для обозначения русских используется сложное слово (инкорпоративный комплекс) *мельгэ=э=таньнэн*, что дословно означает 'огненный враг'. По понятным причинам опубликовать тексты исторических преданий о борьбе с русскими завоевателями в Советской России было невозможно, только один текст без перевода на русский язык С.Н. Стебницкий включил в сборник корякского фольклора [1; т. 7]. Русские, согласно этому преданию, не смогли победить алюторцев открыто, но захватили поселок хитростью, окружив его сетью с колокольчиками. Нападение русских на поселок алюторцев в предании изображается как немотивированное. В то же время в преданиях о межплеменных войнах мотивы нападающего племени могут быть четко выражены в тексте: *Как-то култушинский [илирский] старшина сказал: «Настичь бы нам тремя поселками карагинцев, чтобы сразиться, может быть. Мы бы захватили ту местность карагинского поселка, потому что звериная она: моржей много там, китов, сами всегда выбрасыва-*

ются» [2; т. 19, п. 5, 6] (в связи с тем, что объемом статьи ограничен, примеры из корякских фольклорных текстов представлены в статье только в переводе на русский язык).

В преданиях о межплеменных войнах подробность описания персонажей зависит от того, на чьей стороне рассказчик. Персонажи-враги описываются схематично, в то время как воины-предки изображаются детально, с указанием имени, социального статуса.

Среди десяти опубликованных текстов исторических преданий мотив кровной мести является основополагающим для четырех из них (записи 1933 г. и 1950 г.) [1, тт. 3, 6; 2, тт. 20, 22]. Если мы обратимся к этнографическим источникам, то окажется, что уже в начале XX в. реальные случаи кровной мести были редкими [4; С. 203]. Тем не менее, мотив кровной мести занял устойчивое положение в корякской повествовательной традиции. В предании *Кычим* [1; т. 3] отец мстит за убийство своих сыновей. В трех других текстах брат мстит за убийство брата. Но что в корякских исторических преданиях является причиной первого убийства? Это может быть преступление с целью наживы (убийца забирает табун оленей, принадлежавших убитому, и его жен) [1; т. 3], первое убийство может произойти вследствие несправедливого раздела добычи [2; т. 22]. Эти две причины совершения преступления можно считать универсальными, они не предопределены особенностями жизнедеятельности конкретного этноса, ведь жадность – черта универсальная. В сюжете двух исторических преданий [1, т. 6; 2, т. 20] первопричиной преступления является нарушение родового закона: сестра тайно от своих братьев начинает жить с чужеплеменником. Боясь наказания, она велит сожителю убить ее братьев. Эта причина обусловлена спецификой родовой организации коряков-алиоторцев: «У алиоторцев весьма строго соблюдалась супружеская верность и целомудрие девушек. За этим следили и родители, и братья. Нарушение супружеской верности, вступление в связь с мужчиной до замужества строго наказывались,

вплоть до убийства обоих нарушителей этих неписаных законов нравственности» [5; С. 91].

Брат мстит сестре, вышедшей замуж за чужеплеменника и пытавшейся убить своих братьев, месть его невероятно жестока: он протыкает щиколотки сестры и привязывает ее к двум необученным оленям. Тело сестры разорвано надвое. Эта жестокость расправы является справедливым возмездием.

Несмотря на то, что круг опубликованных исторических преданий ограничен (всего 10 текстов), опираясь на эти тексты, можно выделить два устойчивых мотива.

Устойчивым мотивом корякских исторических преданий является мотив подрезания нити тетивы у лука воина. Этот мотив играет сюжетобразующую роль и характерен для текстов исторических преданий 30-х, 50-х, 70-х гг. Мотив подрезания нити тетивы устойчиво сохранялся на протяжении длительного времени, несмотря на тот факт, что в начале XX в. лук достаточно быстро уступает место огнестрельному ружью. Однако трепетное отношение к луку и стрелам как главному оружию воина сохраняется. Об этом достаточно определенно пишет В.И. Иохельсон, участник двух экспедиций (1898-1901 гг. и 1908-1911 гг.) на Камчатку: «В настоящее время лук употребляется только на охоте в том случае, если нельзя достать ружье, что бывает редко. <...> В некоторых семьях старые луки и стрелы очень заботливо сохраняются и передаются как наследие» [4; С. 100]. Возникновение мотива подрезания нити тетивы относится к тому времени, когда лук был одним из основных воинских орудий.

Принципиально важно, что в разных текстах факт: кто подрезает тетиву и кому – изменчив.

В тексте, записанном Василием Чечулиным XII. 1933 г. [1; т. 6]: сестра, тайно живущая с чужеплеменником, велит своему сожителю напасть на ее братьев, сама тайно подрезает тетиву у луков своих братьев, пока они спят: *'Сестра настоящего=лука тетиву подрезала братьев'*.

В историческом предании *Кычим* [1; т. 3], записанном Т.Я. Кававом в 1933 г., мотив подрезания тетивы связан с иными действующими лицами. Старик Кычим велит своим невесткам подрезать тетиву лука, принадлежащего Омъяву, убитому сыновей Кычима и забравшего их жен себе: 'И Кычим сказал женщине: *Лука=тетиву чуть-чуть=подрежь, пока Омъяв спит*'.

Мотив подрезания нити тетивы сохраняется в текстах 1950-х гг.: 'А она, *Киливгавыт*, пошла к юкольнику. Нашла [=настигла] находящиеся на юкольнике два лука братьев, перерезала обе тетивы ножом, а оба копья отнесла в тундру' [2; т. 20, п. 24, 25].

Во всех приведенных случаях тетиву лука подрезает женщина в то время, пока воин, которому принадлежит лук, спит. Казалось бы, эти составляющие являются константами мотива подрезания нити тетивы. Однако в тексте, записанном в 1972 г. от М.Н. Мулиткиной, подрезание нити тетивы не связано с мотивом сна. Согласно этому преданию, карагинцы нападают на беззащитных вывенских женщин. В то время пока враги пиршествуют кислыми рыбьими головками, вывенская старуха подрезает нити тетивы их луков: «дальше продолжает народ кислые головки есть. Старуха перерезала тетивы (на луках карагинцев)» [2; т. 17, п. 15, 16].

Неизменным же остается тот факт, что нить тетивы всегда подрезает женщина, в результате чего воин обезоружен, побежден. Выяснить истоки зарождения этого мотива и понять причины его устойчивости возможно, если обратиться к этнографическому материалу. Копье, лук, нож и праща – древние орудия корякских воинов. Лук занимает особое место в этом ряду. Об этом можно судить по описанию погребального обряда: «Лук и стрела сжигаются на погребальном костре мужчин, но надо сказать, что в большинстве случаев это не настоящее оружие, а только имитация. Погребальный лук – это изогнутый прут с надрезом посередине; к концам привязан ремешок, изображающий тетиву, стрелы тоже поддельные с

имитацией оперения на конце» [4; С. 100]. Лук – воплощение воинской силы. Именно поэтому в исторических преданиях повреждение лука делает воина неспособным к сопротивлению.

Значим тот факт, что в преданиях тетиву всегда подрезает женщина. В корякской повествовательной традиции воин (даже если это враг) никогда не опустится до столь низкого подлого поступка, на это способна только женщина.

Несмотря на то, что к началу XX в. лук практически не использовался, в исторических преданиях устойчиво, вплоть до середины 70-х гг. XX в., мотив подрезания тетивы лука является сюжетообразующим. Представление о воинском луке как о главном оружии воина устойчиво вошло в обрядово-ритуальную практику и повествовательный фольклор коряков.

По всей видимости, достаточно устойчивым для корякских исторических преданий являлся мотив отрезания губы у воина, претворившегося убитым, этот мотив обнаруживает себя в текстах 30-х и 50-х гг.

В сборнике корякского фольклора 1936 г. издания опубликован текст *Wamьkaqьntol'an* [1; т. 6]. *Wamьkaqьntol'an* – имя главного героя повествования. Оно обладает дескриптивным значением, дословно имя *Wamьkaqьntol'an* можно перевести 'с=отрезанной=губой'. Появление мотивированного имени обусловлено развитием сюжетного действия.

В историческом предании *Wamьkaqьntol'an* главный герой повествования до определенного момента не выделен из группы персонажей, обозначенных при помощи племенной характеристики *sawьvaw* 'чавчувены'. Знаковая ситуация, провоцирующая появление имени собственного – это испытание, которое герой преодолевает.

Враг отрезает у притворившегося мертвым чавчувена губу, только после этого в тексте предания актуализировано имя героя *Wamьkаккльынтолын* «с=отрезанной=губой». До этого момента персонаж фигурировал как безымянный. Абсурдно задаваться вопросом, носил ли *Wamьkаккльынтолын* это имя до того,

как у него была отрезана губа. В данном случае актуализация персонажа, его явление в мир текста происходит в момент повествования об испытании героя: *«Чукча начал убивать чавчувенов. Убил всех. Чукча сказал: Что=ж, губу отрежь ножом. И отрезал, не шевелился (чавчувен). И оставили (его). Как только скрылся чукча, Вамылкаклыцтолын встал, настоящий лук взял, к двоюродным братьям отправился ...»* [1; т. 6].

Этот же мотив является сюжетообразующим и в историческом предании, записанном в 1950 г. [2; т. 20]. Но в этом тексте мотив отрезания губы усложнен, он строится на сопоставлении: сильный духом воин выдерживает испытание и обладает правом кровной мести, слабый духом воин – убит: *«И сказала Килингавыт мужу: "Может быть они не умершие. А ну-ка, испытай их [двоих] на смерть, отрежь у одного [из них] верхнюю губу, (со) старшего начни". И отрезал [=убрал] у него верхнюю губу, и (тот) нисколько не пошевелился. Килингавыт сказала: "Ну этот, действительно, умер, ну-ка теперь у другого, у младшего брата отрежь верхнюю губу". И тотчас тот чужеплеменник отрезал верхнюю губу, и тот младший брат пошевелился, потому что он еще непрочный духом (был), поэтому больно ему было. И тотчас сказала Килингавыт мужу: "Убей его!"* [2; т. 20, п. 38-43].

В этом историческом предании [2; т. 20] воин, выдержавший испытание, получает новое имя, это имя *Авамьлкаки* 'Без=губы'. В данном случае в основе номинации оказались особенности внешности персонажа, на базе

которых возникло имя собственное, обладающее не только идентифицирующей, но и дескриптивной функцией. В исторических преданиях идентификация персонажа на основе его внешних отличительных признаков практически не востребована. Несмотря на тот факт, что историческое предание ориентировано на создание эффекта правдоподобия, персонажи исторических преданий воспринимаются как условные референты. В фольклорном тексте идентифицирующие характеристики сюжетно обусловлены. Имена *Вамылкаклыцтолын* 'С=отрезанной=губой', *Авамьлкаки* 'Без=губы' не столько подчеркивают особенности внешности персонажей, сколько силу характера. Только истинный воин имеет право на кровную месть.

Естественно полагать, что истоки этого мотива восходят к процессу инициации. Воин, сильный духом, преодолевает невероятную боль, тот знак, который он приобретает (безгубость), отличает его как сверхчеловека.

В статье рассмотрены только два устойчивых мотива корякских исторических преданий: мотив подрезания тетивы лука и мотив отрезания губы у воина, притворившегося мертвым. К сожалению, очень ограниченный круг текстов не дает возможности судить об устойчивости других сюжетообразующих мотивов. Проблема заключается в том, что в настоящее время корякская повествовательная традиция угасает, исчезает корякский язык и, как следствие, исчезают из живого бытования стилистически и сюжетно сложные тексты, в частности, исторические предания.

Литература

1. Чавчувенские и нымьланские (корякские) сказки. Собраны С. Стебницким. М. – Л.: Всероссийское издательство политической и художественной литературы, 1936. – 47 с.

2. Кибрик А.Е. Язык и фольклор алыторцев / А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева. – М.: Наука, 2000. – 570 с.

3. Криничная Н.А. Русская народная исто-

рическая проза. Вопросы генезиса и структуры / Н.А. Криничная. – Л.: Наука, 1987. – 304 с.

4. Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / В.И. Иохельсон. – СПб.: Наука, 1997. – 327 с.

5. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков / В.С. Вдовин. – Л.: Наука, 1973. – 368 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Голованева Т.А., канд. филол. наук, сектор языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск)
gta-77@mail.ru

T. Golovaneva, Candidate of Philological Science, Post-graduate student, Department of Siberian Languages, Institute of Philology (Novosibirsk)

Научные интересы: корякский фольклор, корякский язык

Areas of expertise: the Koryak folklore, the Koryak language

